

Депутат законодательного собрания Цементно-Шиферного района Сидор Евсеевич Голодранцев сидел на собственной кухне за обеденным столом и, наклонившись над развёрнутым листом казённой бумаги, почёсывая лысую голову шариковой ручкой, задумался...

«Вот опять про депутата! – возмутишься ты, мой дорогой читатель. – Что, больше не о ком писать, что ли?»

Отвечаю. Во-первых, успокойся, дорогой, иначе заболеешь. Разве ты не слышал, как Елена Малышева в своей медицинской программе заявила, что все болезни от нервов. Во-вторых, конечно, если ты живёшь в большом городе, то, естественно, тебе встречаются разные люди: инженеры, слесари, например. Это в том случае если вашему городу повезло и в нём сохранился хотя бы один паршивенький заводик. Ещё ты можешь встретить массу других профессионалов, да таких, что при встрече с ними чуть зазевался – глядь, а кошелька-то нету, если он, конечно, у тебя был, что сомнительно при нынешней не очень удовлетворительной жизни. Ну, конечно, если ты банковский работник либо олигарх – тогда другое дело...

А вот я живу в селе Горёвка, село, в общем-то, неплохое, перспективное (раньше было). Но

после того как общественное хозяйство, как говорится, накрылось медным тазом с помощью одного паршивого олигарха и нескольких руководителей разных уровней, то, идя по улице села, я уже, кроме депутатов, никого встретить не могу. Ну, может быть, ещё главу местного поселения – редко, раз в месяц.

Раньше пойдёшь утром на работу, а навстречу тебе то доярка, то птичница, то тракторист, а если повезёт, то и бригадира встретишь. И уж тогда целый день ходишь удовлетворённый – мол, всё у нас есть, даже руководство среднего звена. А теперь вот: депутат – и никто другой. Хотя стоп! Вру! Вот идёт навстречу местный предприниматель Огородников. Ну какой предприниматель, не то чтобы он что-то выращивал, село всё-таки. И не то чтобы производил что-то, например, деревянные изделия – дерева-то кругом полно, тайга всё-таки. Так нет, он открыл лавочку, закупает продукты, делает наценку и продаёт. А нужно сказать, тот, у кого он купил эти самые продукты, уже сделал наценку. Да и этот приобрёл не без неё... Так что все товары втридорога. Но, что самое интересное, жители села, нет чтобы самим содержать коров, свиней и получать от них качественную продукцию, идут в эти лавки и покупают втридорога. Возникают вопросы: где они берут деньги

и почему они так быстро разучились работать, хотя бы на себя?

Вот в этом деле нам как раз и нужен депутат законодательного собрания. Возможно, мы у него и спросим. Да, ещё у нас в селе одна особенность – все избираемые в районное законодательное собрание от нашего поселения – обязательно предприниматели. Вот так-то, уважаемый мой читатель. А ты начал возмущаться...

2

Так вот, сидит этот депутат Голодранцев за кухонным столом и чешет шариковой ручкой свою репу. А я, пока он это делает, попытаюсь изложить, как этот индивид с такой ужасной фамилией стал вдруг депутатом. Да и вообще, кто же он такой.

Фамилия Сидора Евсеевича точно отражала сущность этого, с позволения сказать, человека. Как внешнюю, так и внутреннюю её части. Был он коренной житель села Горёвки, профессии никакой не имел, поэтому к различным видам работ относился, как говорится, с ленцой. Чаще вообще не работал – состоял на учёте в службе занятости. Исходя из расчётов такого денежного обеспечения, хозяйство его, старенький домик и огород, приходили постепенно в упадок. И до такой степени, что домик этот, размером шесть на четыре, отдалённо напоминал Пизанскую башню. А огород, имея развалившуюся ограду, зарос весь хреном.

Жена его Устинья Ермолаевна была деревенской глуповатой женщиной, не будь она такой, разве пошла бы она за Голодранцева замуж. Но то ли случайно, то ли Сидор Евсеевич специально сделал такой выбор, фамилию жена его имела совершенно противоположную мужниной. Устинья Ермолаевна была Скоробогатой, но так же, как и муж, состояла на учёте в службе занятости.

Кто другой немедленно уцепился бы за такое счастливое совпадение и взял фамилию жены. Но не таков был Сидор. Он, видимо, по генетическому наследству (с послереволюционных времён) гордился не только своей фамилией, но и своим происхождением. Если где-то ему приходилось отвечать на вопрос о его социальном положении, он с гордостью говорил: «Пролетарии мы». Вкладывал в это выражение примерно такой смысл: всё то, к чему бы я ни прикасался, пролетает мимо. Детей эта замечательная пара не имела.

Но была одна положительная особенность у Сидора Голодранцева, он очень любил читать. Конечно, свою библиотеку с такими доходами не заимеешь, но в селе Горёвке была отличная общественная библиотека, и он, как никто другой, пользовался её услугами. Читал не только книги, но и очень любил политические статьи в газетах. Особенно ему нравились статьи о председателе партии ЛДПР Владимире Жириновском.

– Какой решительный человек! – восхищался Сидор, глядя в пустые глаза своей возлюбленной. – Чуть что не так – на тебе стакан воды в морду! А как он говорит – громко и без боязни! Что на ум придёт, то и лепит. Вот бы мне так, – продолжал рассуждать Голодранцев, – я бы этих местных предпринимателей-лавочников придавил к стене, да за шею – и за околицу.

Ненависть к местным торгашам была основной непоколебимой чертой Сидора Евсеевича Голодранцева по многим причинам.

В лихие девяностые годы, когда всякая шваль бросилась ловить рыбку в мутной воде, Голодранцев тоже, покинув свою Горёвско-Пизанскую башню, рванул в город, расположенный в тридцати километрах от села, как он говорил: «Срубить «бабла» (в переводе на русский – заработать по-лёгкому).

63 Без особого труда вписался в шайку таких же голодранцев (это уже не фамилия), которые организовали фирму по распродаже имущества брошенных бывших госпредприятий. Торговали-торговали, нарубили этого самого бабла по-лёгкому. Настало время дележа, и тут выясняется, что Сидора Голодранцева, оказывается, в эту компанию никто не приглашал и знать его никто не знает, а может, просто не желает этого делать. Деньги городские «предприниматели» поделили между собой, предварительно вытащив их из мешка, а мешок надели Сидору на голову и пинком направили в сторону села. Так закончились торговые взаимоотношения города с деревней в лице Сидора Евсеевича Голодранцева. Какая уж тут любовь к торговле после такого беспредела.

Кроме того, местные торгашаи никогда не отпускали Сидору свои товары в долг. Другим давали, а ему нет, не надеялись, что при таких доходах ему когда-нибудь удастся погасить задолженность. И тогда Евсеевичу приходилось подрабатывать у этих же торгашей: разгружать товары либо выполнять другую грязную работу.

И последняя причина – ему, да и не только ему, не нравились неустойчивые цены на товары.

Идѣшь в лавку с одним расчѣтом, а приходишь – все твои надежды рушатся, глядя, цена уже не та: изменилась, и не в сторону понижения.

Вот из чего складывалась ненависть Сидора Евсеевича к местным предпринимателям. И он дал себе зарок: «Никогда, ни при каких обстоятельствах не заниматься этим паршивым делом».

А так как все депутаты от села Горѣвка в районном законодательном собрании были торгаши, как он их называл, «спекулянты», то и депутатов Голодранцев недолюбливал тоже. И всей своей пролетарской сущностью подавлял возникающие иногда желанья связать свою судьбу с этой братией. Но судьба, не обращая внимания на наши желанья, расставляет ловушки на скользком жизненном пути. Вот и наш герой не смог проскочить мимо оной и сам захлопнул её дверку за своей спиной.

3

Как уже говорилось, Сидор Евсеевич очень любил читать. И вот, придя однажды в библиотеку, он обнаружил на полке новую книгу – «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. Ну как новую? Не то чтобы она была написана вчера. Нет. Но обложка её сияла и пахла свежей типографской краской, и до того приятен был запах, что рука сама потянулась к томику и уже не выпустила его до самой панцирной кровати в халупе Голодранцева. Растянувшись на необычайно древней панцирной сетке, Сидор три раза перечитал и перебрал в голове удивительные приключения главного героя Эдмона Дантеса. И, не раздумывая долго, причислил его к группе своих любимых героев. Нужно отметить, эта группа была необычайно мала, в ней находился пока что только Владимир Вольфович Жириновский. И вот туда был допущен теперь Эдмон Дантес.

Голодранцев хотел четвёртый раз перечитать полюбившуюся книгу, но другие читатели горѣвской библиотеки выразили протест голосами с повышенной тональностью, иногда переходящей в непечатные выражения. Им тоже очень хотелось, хотя бы мысленно, побыть графьями. А так как Сидор духом был слабават, а может, просто ленив и не хотел связываться с интеллигентской братией, под напором столь убедительных требований он принёс полюбившуюся книгу в библиотеку.

И надо же было такому случиться, в это самое время по библиотечному телевизору высту-

гал Владимир Вольфович. Своего телевизора у Голодранцева не было, и он часто пользовался услугами библиотеки, бесплатно, естественно.

– Однозначно долой! – кричал председатель партии ЛДПР. – Мои соколы будут голосовать против! – и так далее и тому подобное.

Сидор Евсеевич замер, восхищённо уставившись в экран телевизора, его взгляд пылал преданностью и безграничной любовью. Если бы Владимир Вольфович увидел в это время Сидора, он бы, без всякого сомнения, принял Голодранцева в свою партию, не отходя от думской трибуны.

«Вот это люди! – думал Сидор о своих любимчиках. – Как они расправляются со своими недоброжелателями! Один – хитро и умно, другой – однозначно, решительно. Вот бы мне так, я бы этих спекулянтов собрал в кучу, мешок на голову – и вон из села!»

Налюбовавшись вволю на своего кумира, Сидор взял очередной художественный томик. Совсем собрался уходить, но тут его взгляд упал на подшивку газет «Цементная правда». На первой странице красным по белому, сияя, подмигивало объявление, что такого-то сентября в Цементно-Шиферном районе состоятся выборы в законодательное собрание. Заявления принимаются как от партий (по партийным спискам), так и от самовыдвиженцев. При подаче заявлений нужно при себе иметь декларацию о доходах.

Воодушевлѣнный речью Жириновского и недавно прочитанной книгой, Сидор остолбенел, и крамольная мысль начала потихоньку закрадываться в разгорячѣнные мозги: «А чем я хуже других? Возьму и напишу заявление. А вдруг получится? Вот тогда и сочѣмся с этими спекулянтами!»

И он почти уже убедил себя в правильности принятого решения, но слово «декларация» острым гвоздѣм шевельнулась в его мозгах. Ему ли с его доходами бояться этого слова. Но, провернув ещё пару раз в сознании это колкое словцо, он решительно отмѣл возникшее вдруг желанье.

«Пошли они к дьяволу со своей декларацией!» – подумал он и пошѣл в свою халупу с твёрдым намерением развалиться на панцирной койке и, уткнувшись в книгу, проживать чужую судьбу.

С трудом открыв покосившуюся дверь в свою лачугу, Сидор неожиданно уловил необычайные для его обители тревожные звуки. Вроде бы кто-

то, посапывая, хрюкал, как поросёнок, затем на минуту затихал и начинал повизгивать, как щенок. Внимательно присмотревшись в тёмный угол подслеповатым взглядом, он обнаружил свою разлюбезную жёнушку Устинью Ермолаевну, которая, прижавшись к давно не белённой стене, безутешно рыдала.

– Ты чего, Устинья, нюни распустила? Сон плохой увидела, что ли? – облегчённо вздохнул Сидор, напуганный звуками.

– Какой сон! Тут наяву можно с ума сойти. Как мы теперь зимовать будем?

– Да что случилось? Выкладывай!

– Что-что? Совсем озверели эти предприниматели. Пошла сегодня к Тарасу Ямщикову, чтобы он нам угля привёз, а он мне: «Маловато, Устинья, денег-то у тебя. Уголёк подорожал, да и я за привоз тышчонку накинул».

– Как так?! – вспыхнул Сидор.

Он вспомнил, с каким большим трудом они наскребли из своего скудного бюджета денег на уголь. А какой-то Тарас, обманным путём завладевший совхозным самосвалом и теперь доставляющий уголь в село, вдруг всё решил по-своему. Представив ненавистное лицо Тараса, Сидор размахнулся и метнул взятый в библиотеке томик под панцирную сетку:

– Ну всё! С меня хватит! Иду в депутаты! Я вам покажу кузькину мать, капиталисты проклятые!

4

Рано утром Голодранцев на попутных машинах отправился в районный центр. Без особого труда нашёл здание администрации, нужный кабинет, на двери которого крупными буквами было написано: «Районная избирательная комиссия», и без стука решительно переступил порог.

От такой поспешности сидящая за столом пожилая женщина вздрогнула и подозрительно уставилась на Голодранцева:

– Что вам нужно, гражданин?

Окинула его теперь уже презрительным взглядом, видимо, слегка удручённая потрёпанным внешним видом вошедшего.

– Я не гражданин, я будущий кандидат в депутаты от села Горёвка, Голодранцев, – раздражённо парировал Сидор, уловив этот презрительный взгляд.

«Смотрит, прямо как наши спекулянты», – злю подумал он.

– А вы кто такая? – в свою очередь спросил Сидор.

– Я председатель избирательной комиссии Надежда Григорьевна Атаманова, – убрав с лица различные оттенки мимики, уже более миролюбиво ответила она.

– Тогда я к вам. Прошу зарегистрировать меня в кандидаты.

– Вы в этом твёрдо уверены? – окинув его неказистую потрёпанную фигуру внимательным взглядом, спросила Надежда Григорьевна.

– Да! А в чём дело? Каждый гражданин, достигший восемнадцатилетнего возраста...

– Да нет-нет, всё в порядке, – перебила председательша законодательные познания Голодранцева, – вот вам лист бумаги, пишите заявление. А вот вам бланк декларации о доходах. Если ваши доходы не уместятся на одном, я вам дам другой бланк.

Сидор Евсеевич намёк понял и, заполняя декларацию, хотел написать: «Ничего нет», но, вспомнив свой огород, издевательский намёк председателя, жирно вывел: «Кроме хрена, нет ни хрена». И так же ехидно улыбнувшись, подал бумаги Надежде Григорьевне.

– Уважаемый гражданин Голодранцев, а где же ваши фотографии?

– Какие фотографии? Про них в газете ничего написано не было, – удивился Сидор.

– Нужны две фотографии три на четыре, иначе я ваши документы не приму! – заявила председательша.

– Что за дьявольщина, у меня и денег-то нет на эти фотографии.

– Послушайте, гражданин Голодранцев, с вашей фамилией и вашими доходами на выборы лучше идти по партийным спискам, – с глубоко скрытой иронией посоветовала Надежда Григорьевна.

– Да я не член партии, – не уловив подвоха, сознался Сидор.

– Но это не велика задача. До выборов ещё месяц, и у вас есть возможность стать членом. Вот рядом с администрацией здание, в нём расположены штабы сразу двух партий: ЛДПР и КПРФ. Дерзайте, там и фотографии бесплатно, и надежда на избрание выше.

Сидор Евсеевич быстро отыскал нужное здание. Вошёл внутрь и начал читать расположенные на дверях таблички. «Штаб партии ЛДПР», – на первой же от выхода двери прочёл Сидор. «Это то, что мне и нужно», – обрадовался он.

Полюбовавшись красиво оформленной надписью, он осторожно постучал.

– Ахто там? – выдохнул неустойчивый нервный мальт. – Заходите.

Переступив порог, Голодранцев начал внимательно осматривать кабинет. Он так давно хотел прикоснуться к таинству внутреннего содержания любимой партии, что, засмотревшись на различные вымпелы, символы и другие безделушки, развешанные на стенах и расставленные по углам, забыл, зачем пришёл.

– Эй ты, бомжара, зачем пришёл? Я милостыню не подаю!

Сидор вздрогнул и только сейчас увидел сидящего за столом длинного худого человека, нервно перебирающего содержимое стола.

– Я не бомжара, я Голодранцев, хочу вступить в ряды вашей партии, чтобы идти списком от неё в депутаты. Вот мои документы, – и Сидор положил на стол декларацию и заявление. – А вы кто такой?

– Я председатель партии ЛДПР в данном районе, Масловский, – не переставая шарить руками по столу, ответил нервный человек и посмотрел на бумаги Сидора.

Вот его руки схватили авторучку, отшвырнув её, вцепились в папье-маше. Сидор на всякий случай пригнулся. Руки побежали дальше и вцепились в декларацию Сидора.

– Слушай, ты, Голодранцев, а чем же ты собираешься взносы платить? У тебя же ни хрена нет! – вспылил председатель, его руки, откинув декларацию и заявление Сидора на пол, вдруг вцепились в стакан с водой.

Голодранцев, вспомнив предвыборные дебаты Немцова и Жириновского, стремительно отпрянул от стола.

– Хрена-то как раз у меня полно! – парировал он.

– Вот что, Голодранцев, – отпив глоток воды, уже спокойнее сказал Масловский, – с твоими фамилией и декларацией лучше идти в штаб КПРФ, третья дверь справа по коридору. Всё, свободен, – и он снова принялся сучить руками по столу.

– Как же так? Я с большим уважением отношусь к Владимиру Вольфовичу, он мой кумир, я на него молюсь, – попытался лестью втереться в доверие Сидор.

– От твоего уважения денег в нашей казне не прибавится. Так что придётся тебе полюбить Зюганова.

Голодранцев, бесцеремонно отвергнутый представителем любимой партии, вывалился в

коридор. И несколько минут не мог одуматься. Стоял, вытаращив глаза, посреди коридора. Хотя с ним поступали, если рассудить здраво, именно по-жириновски: однозначно, решительно. Постояв ещё некоторое время, Сидор двинулся по коридору и, действительно, на третьей двери справа увидел не менее красивую табличку: «Штаб партии КПРФ, председатель Брюханов». Он осторожно постучал по двери согнутым пальцем.

– Да! Товарищ, войдите, – послышался из-за двери густой бас.

Приободрённый таким вежливым приглашением, Сидор быстро вошёл в кабинет и вдруг неожиданно отрапортовал:

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

За большим дубовым столом сидел большой толстый человек и удивлённо, раскрыв рот, смотрел на пришельца.

«Это что за голодранец с лозунгами?» – медленно переваривал он в крупной голове. Затем, хлопнув глазами, заполнил кабинет густым басом.

– Это старая песня, батенька, я на такие лозунги милостыню не подаю.

– Да я не за этим пришёл, – смутился Сидор, – мне бы в партию, членом, а затем общим списком на выборы и в депутаты. Вот у меня и декларация есть, – и он положил на стол свои листки.

– А ты взносы-то чем платить будешь? – взглянув в декларацию, заревел председатель Брюханов.

– Так мне Масловский сказал, что у вас всё бесплатно, коммунизм всё-таки.

– Ах вон оно что! Значит, ты сюда припёрся в надежде получить бесплатные талоны на обед? А нажравшись, таскать транспаранты с надписью: «Долой капиталистов!»? – распалаялся Брюханов. – Нет, батенька, мы коммунисты, да не те, у нас капиталу раза в два больше, чем у элдэпэровцев. Этот подлец, Масловский, пользуется тем, что их дверь первая от входа, и посылает к нам всякую дрянь. Ишь чего захотел – общим списком в депутаты. Дёргай отсюда да свои богатства не забудь, – и он брезгливо двумя пальцами взял бумажки Сидора и швырнул их на пол.

Сидор, схватив заявление и декларацию, униженный и оскорблённый, вывалился из подъезда, так и не став членом.

– Ну, сволочи, погодите! – взревел он на всю улицу и, сунув бумажки за пазуху, двинулся домой на попутных машинах.

На следующий день Голодранцев потихоньку, пока не проснулась Устинья Ермолаевна, вытащил двести рублей из припасённой суммы на приобретение угля и опять на перекладных отправился в районный центр. Сфотографировавшись, пошёл в избирательную комиссию с полным пакетом документов для регистрации в кандидаты в районное законодательное собрание.

– Что, уважаемый гражданин Голодранцев, не удалось вам стать членом? Видимо, ваша декларация не достаточно убедительна для партийных деятелей? – ехидно прищурился не совсем ясный взор, спросила председатель Надежда Григорьевна Атаманова.

– Нет, не удалось, но они ещё пожалеют об этом, – недовольно проворчал Сидор, а про себя подумал: «Да и ты тоже». Каким образом он собирался провести процесс отмщения, Сидор и сам не знал, но, униженный и оскорблённый партийными деятелями, пытался сбросить пар озлобленности хотя бы словесно.

Зарегистрировавшись в кандидаты, Сидор Евсеевич Голодранцев отправился в родную Горёвку, чтобы окунуться в океан предвыборной борьбы. А борьба предстояла жестокая, так как в этом океане уже плавали бывшие депутаты Огородников и Садоводников, а также неожиданно в его воды заплыл «углевоз» Тарас Ямщиков.

Предприниматели, не жалея денег, заказали себе красивые предвыборные агитационные плакаты. На лощёной бумаге красовались различные виды товаров, реализуемые в настоящее время. И ещё более красочными выглядели товары, которые будут реализовываться в будущем, если их владельцев изберут депутатами. Огородников и Садоводников обклеили этими плакатами свои торговые точки и заборы на главной площади села.

На плакатах же Тараса Ямщикова была изображена грузовая машина с полным кузовом отборного угля, и на её борту подмигивала надпись: «Эх, привезу». На заднем плане располагалась машина побольше, с надписью: «Привезу ещё больше, когда стану депутатом». Однако цены за предлагаемые товары и за «Эх, привезу» не указывались, что вызывало некоторое сомнение в возможности приобретения угля в большом количестве сейчас и в будущем. Тарас наклеил плакаты на свой автомобиль и периоди-

чески объезжал село из конца в конец по центральной улице.

В ответ на действия своих соперников Сидор снял с панцирной сетки последнюю простыню и, разведя сажу в воде, нацарапал на ней лозунг: «Безработные всех стран, объединяйтесь!». Затем, выправив два кола на завалившейся ограде, натянул это произведение между ними. Издалека жилище Голодранцева стало напоминать пиратский форпост с застывшим над ним Весёлым Роджером (так пираты называли свой флаг).

Но ни красивые плакаты предпринимателей, ни простыня Сидора не могли определить предвыборный рейтинг кандидатов. Все ждали, когда же эти самые кандидаты сойдутся в словесной схватке (со своими программами и обещаниями).

И вот эти дебаты наконец-то состоялись в местном Доме культуры.

Предприниматели большего, чем уже было изображено на плакатах, предложить ничего не могли. Обещали снизить цены на некоторые виды реализуемой продукции да выставили по три ящика бесплатного пива собравшимся на слушание мужикам.

– Маловато будет! – недовольно проворчали те и, сидя в креслах Дома культуры, обещания слушали не совсем внимательно, зато с удовольствием причмокивали из горла бесплатное пиво, иногда кидали реплики: – Брехня всё это!

Тарас Ямщиков за день до предвыборных дебатов привёз инвалиду Костылёву бесплатно тонну угля и теперь раз десять с трибуны рассказывал об этом. На что последовали колкие замечания в его адрес от разогретых пивом мужиков.

– Ну всё, наш Тарас разорился, – подначивали одни.

– Ни хрена, он на других отыграется, – кричали другие.

– Хватит! Пусть говорит Голодранцев! – выкрикнул его сосед Макар Безденежный.

Сидор никогда ранее не говаривал речей с трибуны, но частенько смотрел в библиотеке по телевизору, как это делает его кумир Жириновский. И он, набрав в лёгкие побольше воздуха, стремительно выбежал к трибуне и, взмахнув зажатой в руке декларацией, вдруг так завопил, что мужики, вздрогнув, перестали пить пиво, а некоторые женщины даже взвизгнули.

– Однозначно долой этих спекулянтов! – кричал он. – Гнать их надо из села! Вы посмотрите на

их декларации, они у них в нескольких томах. А вот моя, — и он взмахнул зажатый в руке листком, — жить надо так, как живу я, а не так, как эти мироеды! — Он хотел схватить стоящий на трибуне стакан с водой и плеснуть её в сидящего рядом Тараса Ямщикова, но местный участковый из первого ряда показал Сидору кулак.

— А хлеб мы будем где брать? — вдруг визгливо завопила из зала бабёнка.

Мужики, представив себе, как живёт Голодранцев, быстро сделав по большому глотку пива, не сговариваясь, в один голос наложили резолюцию на его выступление:

— Да пошёл ты! Долой! Проваливай с трибуны!

Оказалось, так жить, как живёт Сидор Голодранцев, никто не хотел.

Окрылённые первым успехом предприниматели покидали поле боя, радостно потирая руки. Им ещё предстоял второй тур предвыборных дебатов между собой, на котором окончательно должен был определиться фаворит. И тут, потеряв бдительность, они сделали непоправимую ошибку. Не дожидаясь дня выборов, «спекулянты», чтобы возместить понесённые убытки от приобретённых плакатов и бесплатного пива, сделали, по их мнению, небольшую наценку на некоторые товары. Как им казалось, совсем не заметную. Но они не учли того, что доходы сельских жителей настолько малы, что каждая копейка на счету. Большинство семей живут на дедовскую пенсию. Поэтому подвох был немедленно раскрыт. И когда после выборов открыли урну с бюллетенями, предприниматели вздрогнули, хотели укутить себя за локоть, но не достали — пятьдесят пять процентов голосов получил Голодранцев. От неожиданности фаворит и сам замер, первое время представить себе не мог, что же с этим триумфом делать. А его соперники настолько были поражены произошедшим, что стали творить непонятные и для них самих поступки.

Тарас Ямщиков привёз Голодранцеву уголь по старым расценкам.

Садоводников занял ему двести рублей без назначения срока отдачи.

А Огородников стал отпускать Устинье Ермолаевне продукты в долг.

И все они называли Голодранцева не иначе, как Сидор Евсеевич, что, видимо, и я в дальнейшем иногда буду делать, последовав их примеру.

А новый депутат районного законодательного собрания стал дожидаться организационной

сессии, чтобы в дальнейшем определить методы угнетения «спекулянтов» на селе. Но всё повернулось не так, как мечтал Сидор Евсеевич Голодранцев.

6

Председатель законодательного собрания Юрий Иннокентьевич Вольфов был опытный мужик. Он прекрасно знал, что впервые избранные в законодательное собрание депутаты в основном приходят со своими амбициями и чаще попадают сюда по причине глубокой неудовлетворённости состоянием их личной жизни, а некоторые — в надежде на отмщение через приобретённое положение своим обидчикам. Они ещё не догадываются о том, что это приобретённое положение почти никак не выделяет их из обычных граждан. Большинство же — в поисках правды. Поэтому, внимательно присмотревшись к новому депутатскому корпусу, Юрий Иннокентьевич выделил двух персонажей из этого состава: депутата от села Горёвка безработного Сидора Евсеевича Голодранцева и депутата от села Босоноговка директора Дома культуры Ефима Елистратовича Беспардонного.

Так уж получилось, что на первой организационной сессии пришлось не только распределять депутатов по разным комитетам, но и утверждать бюджет на следующий календарный год, так как текущий заканчивался, а бюджет был не утверждён. Эта процедура много времени не заняла. Зашёл к депутатам глава Цементно-Шиферного района Н. А. Коровин, зачитал подготовленный экономистами данный документ, который был быстро принят открытым голосованием.

Он бы ещё быстрее был утверждён, но когда Коровин зачитал статью расходов на оказание помощи малому бизнесу, Голодранцев не выдержал и, вскочив с места, начал протестовать, широко размахивая руками:

— Какая помощь спекулянтам? Их надо гнать с глаз долой!

На что Коровин, оторвавшись от текста бюджетного послания, строго взглянул не на Голодранцева, а на Юрия Иннокентьевича и спросил:

— А это что за фрукт?

— Разберёмся, — успокоил главу председатель.

И чтение продолжилось.

И тут выяснилось, что о культуре в новом бюджете вообще не было ни одного слова. По этому поводу взорвался директор Дома культу-

68

ры села Босоноговка Ефим Елистратович Беспардонный.

– Как же так? – бурно запротестовал он. – Клуб вот-вот завалится, а денег опять в бюджете на его ремонт не нашлось. Вы же мне в прошлом году обещали. Я до Москвы дойду, – шумел представитель культурного общества.

На что Коровин, не повышая голоса и не меняя интонации, заметил:

– Давай вали, а мы, пока ты ходишь, эту развалюху закроем, всё равно от неё никаких доходов нет. Туда давно уже никто не ходит, – и обращаясь к председателю: – Юрий Иннокентьевич, разберись со своими депутатами.

Когда заседание было окончено, председатель Вольфов предложил Голодранцеву и Беспардонному остаться.

Беседовал он с каждым из них по отдельности. Сначала, оставив Беспардонного в кабинете, предложил Голодранцеву выйти и подождать в коридоре. Тот вышел, но от двери далеко отходить не стал и хорошо слышал всё, о чём говорилось в кабинете.

– Ты чего расшумелся? – строго спросил председатель. – Ты же видишь, какой маленький в нашем районе бюджет. Попробуй-ка угодить всем. А в твой Дом культуры действительно никто не ходит.

– Конечно, кто же пойдёт туда, когда там потолок вот-вот завалится? – не сдавался директор клуба Беспардонный. – Вы же мне уже лет десять обещаете выделить денег на ремонт. Я и в депутаты выдвинулся, думал, что теперь буду участвовать в распределении бюджетных денег и уж вы меня никак не обойдёте, а оказалось, про культуру вообще забыли.

– Где ж этих бюджетных денег наберёшься? Для того чтобы заткнуть все дыры, нужно его увеличить раз в десять, – парировал Юрий Иннокентьевич.

– Где взять? Я знаю! – твёрдо заявил Беспардонный.

На что председатель вытаращил глаза и раскрыл рот, затем сглотнув слюну, заговорщически тихо выдохнул:

– Ну-ка поделись!

– Хорошо, слушай! Я в этом районе прожил всю жизнь, ты тоже. Вспомни, несколько лет назад в этом здании, где мы сейчас находимся, то есть в администрации, размещались все: председатель райисполкома, его заместители, землемер, архитектор, налоговая инспекция, специ-

алист по имуществу, торгово-экономический отдел и даже управление сельским хозяйством. А в районе работали все предприятия и совхозы. А теперь все эти перечисленные специалисты, начиная с землемера, выделены в отдельные комитеты со своими офисами и специалистами, человек по десять в каждом. Куда ни зайди в посёлке, натолкнёшься на бюрократический аппарат. И в этом здании администрации народу меньше не стало, в каждом кабинете по три-четыре человека. Это же сколько надо выделить из бюджета денег на их зарплату и на коммунальные платежи за их офисы. А предприятия и совхозы все обанкротились. Непонятно, чем эти комитеты управляют, коль в районе ни черта нет! Да ты и сам всё это знаешь не хуже меня – за место своё трясешься! – решительно заключил Беспардонный, наплевав на всякий этикет, как человек, которому нечего было терять.

Голодранцев услышал, как тяжело засопел председатель, несколько минут молчал, а затем приглушённым голосом, словно его кто прихватил за горло, просипел:

– Слушай, Ефим Елистратович, ты иди отсюда поскорей, я тебя прошу, больше в этом здании никому подобное не говори, а то потолок твоего клуба упадёт нечаянно на твою умную голову. Тебе до пенсии осталось два года.

– Что, не понравилось? – не унимался директор клуба, выходя из кабинета. Увидев Голодранцева, бросил: – Заходи, твоя очередь, противник торговых рядов.

Сидор Евсеевич после всего услышанного, переступив порог кабинета, неловко начал топтаться у двери.

– Проходи, Голодранцев, садись, – пригласил председатель ещё не отошедшим от недавнего разговора сиплым голосом, – ну давай выкладывай, чем тебе не угодили предприниматели, занимающиеся торговлей?

И тут новоиспечённый депутат обнаружил, что ничего вразумительного в ответ на заданный вопрос сказать не может. Он долго собирал всякую ахинею, всё время бессмысленно повторяя одни и те же слова, чаще всего «спекулянты», «мироеды» и прочую чушь. Юрий Иннокентьевич не мешал ему. Голодранцев ещё минут десять погонял языком бесполезные слова, вдруг выдохся, замолчал и, покраснев, засопел, как бык-производитель, увидевший свою любимую тёлку.

– Ну, всё у тебя?! – уже нормальным голосом то ли спросил, то ли поставил точку бредням со-

беседника председатель. – А теперь послушай, что я тебе скажу! При тебе утверждали бюджет, если ты хотя бы немного соображаешь, поймёшь, что он очень мал и не удовлетворяет все потребности района в финансах.

«Конечно, где же он удовлетворит эти потребности», – подумал Голодранцев, вспоминая сказанное Беспардонным.

– Так вот, – продолжал председатель, – если бы «спекулянты» не платили налоги, этот бюджет был бы намного меньше. К тому же они периодически помогают школам, выделяют к празднику деньги на подарки, детским садам, домам культуры. На это денег в бюджете нет. Я ведь знаю, каким образом ты попал в депутаты, – продолжал он, – предприниматели промахнулись. Народ-то в селе тебя не уважает. А вот ты и докажи людям, что не лыком шит. Займись каким-нибудь стоящим делом, покажи на примере, что ты настоящий депутат. А то заладил: «Спекулянты, мироеды...» Тоже мне революционер нашёлся. Иначе, смотри, жители Горёвки соберутся да отзовут твою кандидатуру из депутатов.

Сидор Евсеевич не мог вставить ни одного слова, во-первых, он их просто не находил, а во-вторых, обнаружил, что напористо говорить, оказывается, может не один Владимир Вольфович.

– Ну ты всё понял? – спросил миролюбиво председатель и на кивок собеседника добавил: – Иди, дорогой, и прислушайся к моим словам.

Голодранцев покинул кабинет председателя и двинулся в своё родное село. Нужно сказать, что он сильно изменился, ходил по улицам задумчивый до того, что однажды чуть не угодил под автомобиль Ямщикова. Книги в библиотеке брал теперь с научным уклоном и подолгу рылся в журналах. Видимо, подыскивал подходящее для себя дело, достойное депутата районного законодательного собрания. Но торговые отношения он по-прежнему отвергал, правда только про себя, как говорится, в душе.

7

Время летело стремительно, прошла осень, зима, весна незаметно перемахнула в лето, а Сидор Евсеевич всё ещё находился в неопределённости. Он в уме подолгу перелопачивал свои способности, но они были настолько скудны и нежизнеспособны, что даже его жена Устинья Ермолаевна отрицательно трясла головой, когда Голодранцев вслух проносил свои мысли.

Тогда он стал вспоминать действия героев прочитанных им книг и газет в надежде на подсказку к возможному использованию их жизненного опыта. Любимых героев у него было немного, всего два.

В клубах розового тумана всплыл Эдмон Дантес. Депутат думал: «Вот бы мне такие богатства, такой разум, я бы... я бы...», но что можно было извлечь в данный момент из опыта Дантеса, он так и не мог придумать, к тому же бороться с местными предпринимателями ему запретил председатель депутатского корпуса. Он теперь во время заседаний больше молчал и слушал других.

«Нет, гусь свинье не товарищ, – справедливо думал Голодранцев, – с моими богатствами можно бороться только с блохами. К тому же граф долго сидел в заточении». Сидеть в тюрьме Сидору никак не хотелось. И, выбросив одного любимца из головы, он обратил свои мысли к другому.

«Владимир Вольфович, чем же он знаменит, кроме своего нестандартного поведения и вольных мыслей, иногда выражаемых непечатными словами? – вспоминал Голодранцев. – Вот! Он часто утверждает, что читает лекции в высших учебных заведениях за рубежом».

Сидор вдруг на минуту представил, как Жиринский, размахивая руками и выпучив глаза, «читает» эти самые лекции, а студенты зарубежных вузов, подрагивая всем телом, сидят под столами, надеясь выйти через некоторое время из аудитории живыми.

Голодранцев воспрял: «Вот настоящее дело, буду читать лекции о международном положении в Горёвской библиотеке».

И он, окрылённый посетившей его голову мыслью, кинулся в библиотеку заключать контракт. Но заведующая библиотекой Александра Сергеевна была женщина начитанная и необдуманно в различные авантюры не бросалась:

– Гражданин Голодранцев, задуманное вами мероприятие я вам проводить в библиотеке не разрешу. Во-первых, у вас нет никакого образования. Во-вторых, отсутствует лицензия на право их проведения.

Разочарованный несостоявшийся лектор, понурился, отбыл восвояси, как говорится, несолоно хлебавши.

И он совсем уже начал забывать о том, что должен совершить что-то полезное, как неожиданно после очередной сессии был приглашён в

кабинет председателя законодательного собрания Вольфова.

– Ну, каковы твои успехи, Сидор Евсеевич? – спросил он. – Что-то до меня не доходят добрые вести о твоих трудовых либо других полезных для общества подвигах.

Голодранцев чистосердечно сообщил положение дел на текущий момент, сделав особый упор на отсутствие возможности проявления добропорядочных начинаний в силу возникших на их пути препятствий.

– Да, здесь ты, конечно, полез не в своё дело, уважаемый коллега, – назидательно заметил председатель, – образ для подражания тобой выбран не очень удачно. Этот образ Владимира Вольфовича хорош для столицы нашей Родины Москвы, а для села Горёвка он будет не совсем доступен и понятен. Поэтому мой тебе совет: опустишься ты с небес на землю! У тебя земельный участок имеется?

– Да, – кивнул Голодранцев и, вспомнив, в каком состоянии находится этот участок, слегка поёжился.

– Ну вот и займись настоящим делом, – продолжал наступать Юрий Иннокентьевич, – почему бы тебе не организовать крестьянско-фермерское хозяйство, например, по выращиванию картофеля. Картошка-то на рынке с каждым годом дорожает, вот тебе и доход, тем более что по новому указу такие хозяйства на несколько лет освобождаются от уплаты налогов. Как ты на это смотришь, Сидор Евсеевич?

– Это что, опять заниматься торговлей?! – брезгливо поморщился Голодранцев.

– Не торговать, а реализовывать плоды своего труда, добытые потом и кровью! – для убедительности пафосно воскликнул Юрий Иннокентьевич. – Ну давай, дорогой, езжай в свою Горёвку, осуществляя добрые начинания. Возможно, благодаря твоему примеру у нас в районе скоро возродится множество крестьянско-фермерских хозяйств.

И надо же было такому случиться, Сидор Евсеевич, воодушевлённый проникновенной речью председателя, вдруг почувствовал необычайный прилив сил. И в нём начала укрепляться вера в то, что он действительно способен возродить не только собственное фермерское хозяйство, но и повести за собой весь район.

Но по мере того, как Голодранцев приближался к своему родному селу, пыл его с каждым километром угасал в геометрической прогрес-

сии. И когда он, подойдя к дому, осмотрел свой огород, заросший хреном, этот пыл окончательно остановился на нуле.

8

Однако остатки совести (заметьте, маленькие) всё же иногда между перерывами в чтении книг нет-нет да напоминали о разговоре с председателем Вольфовым. И вот однажды депутат Голодранцев, с большим трудом отыскав штыковую лопату, отправился в свой заросший хреном огород. Зачем он это сделал? Трудно сказать. Предположим, что, не имея трактора и плуга, он решил лопатой осуществить подъём зяби для урожая картофеля будущего года. Как раз в это время года, а был август, хрен вошёл в зрелую стадию своего развития и захватил земли будущего фермерского хозяйства так интенсивно, что лопату негде было воткнуть.

– Да с такими сорняками справиться мне нескоро удастся, – почесал голову будущий фермер.

Хотел уже бросить лопату и пойти на свою панцирную сетку, чтобы углубиться в мелодраматические события очередного романа, но решил попробовать побороться хотя бы с одним паразитом, так нагло захватившим плодородные земли участка. Тот, кому хоть раз доводилось добывать хрен из земли, прекрасно знает, что это не совсем простая задача. Этот самый хрен так прочно устраивается на облюбованном им месте, что порой лопата ломается быстрее, чем он оказывается снаружи.

Сидор Евсеевич выбрал самый, по его мнению, большой индивид данного растения и, плевав на руки, взялся за лопату. Он долго кряхтел, сопел, кружился вокруг ботвы облюбованного хрена и в конце концов примерно через полчаса в его руке оказался прекрасный образец этого растения, в три пальца толщиной и в двадцать пять сантиметров длиной. Вытерев пот со лба и прислонившись к покосившейся ограде, Голодранцев невольно залюбовался красотой этого произведения природы, держа его в вытянутой руке.

В это время по селу на своём джипе ехал олигарх Казнокрадов, богатая дача которого разместилась за околицей села Горёвка, в дачном посёлке. Ехал он не просто так, а с намерением приобрести некоторое количество хрена, так как очень любил закусывать выпиваемую стопку виски хреновской закуской. А тут, глядь, прямо как

по волшебству, – стоит гражданин и держит в руке прекрасный образец того самого искомого растения.

– Эй ты, гражданин, – обратился Казнокрадов к замершей фигуре, – хрен продаёшь?

– Я не гражданин, – очнувшись, вздрогнула фигура, – я депутат Голодранцев. Ни о каких продажах слышать ничего не хочу.

– Да мне всё равно, кандидат ты или депутат, – Казнокрадов не терпел возражений, – мне нужен хрен – и точка.

Голодранцев не успел и глазом моргнуть, как его собеседник вышел из машины. Выдернул из рук его хрен и вложил двести рублей. Сидор очнулся лишь тогда, когда джип скрылся в пыли за поворотом. Глянул на руку, на две купюры по сто рублей каждая и хотел возмутиться: «Это что же такое?! Неужели я вступил в торговые отношения с олигархом?! Стоп! Почему в торговые? Мне же председатель законодательного собрания Юрий Иннокентьевич Вольфов сказал, что с крестьянского хозяйства можно заниматься реализацией собственной продукции. Да, но где это крестьянское хозяйство? – сомневался Сидор Евсеевич. – И хрен я вроде не выращивал, он сам вырос. А впрочем, почему и нет. Огород мой, значит и хрен, сам он вырос или я вырастил, всё равно мой».

Голодранцев быстро засунул двести рублей в карман, спрятал в хреновской ботве лопату и пошёл на свою любимую панцирную сетку.

«Не многовато ли за один хрен двести рублей?» – подумаешь ты, уважаемый читатель. Наверное, много, поддержку и я тебя, хотя что такое двести рублей? Всего лишь три доллара в международнои валюте. Это только когда телеведущие и экономисты по телевидению стараются заморочить нам мозги, утверждая, что рубль растёт и укрепляется, нам кажется, что это действительно правда. А спроси ты этих дикторов и экономистов, в какой валюте они хранят под матрасом деньги, они тебе не ответят. Почему? Да потому, что чихать они хотели на твой рубль, в матрасах у них защиты доллары и евро. Так что двести рублей за один подходящий хрен – это недорого. Да и олигарх Казнокрадов дал бы больше, но у него в кармане завалялись эти двести рублей, а из матраса доллары он сегодня за-был вытащить.

На второй день Голодранцев, читая книгу, услышал какой-то шум, как будто морские волны накатывались на его убогую халупу, вдоволь на-

любовавшаяся на этот исторический предмет, снова удалялись в морские просторы.

Вставать не хотелось, и он толкнул в бок лежащую рядом Устинью Ермолаевну.

– Глянь-ка в окно. Что там творится?

Та, выглянув в окошко, перекрестилась и в панике забормотала:

– Сидор, народу тьма у нашего дома собралась. Наверное, хотят тебе выразить недоверие и отозвать из депутатов.

Голодранцев решил спрятаться в подпол, но, вспомнив, что там не убрана ещё прошлогодняя гнилая картошка, метнулся на чердак. Залез уже почти на половину лестницы, но перекидывающаяся не выдержала, и он, больно ударившись об пол, выкатился на крыльцо, прямо перед требовательные очи народного собрания. Присмотревшись, Сидор обнаружил, что у ограды собрались дачники с расположенного за селом дачного посёлка. Ни одного односельчанина в этой толпе не было.

«Слава богу! – подумал депутат. – Отчитываться не придётся!»

– Что здесь собрались? Чего надо? – строго спросил он.

– Сидор Евсеевич, – обратился первый стоящий у ограды дачник, – мы к вам с большой просьбой. Мы все очень любим хреновскую закуску. Продайте, пожалуйста, нам вашего превосходного хрена. Олигарх Казнокрадов очень хвалит. Он тоже сейчас достанет из матраса доллары и присоединится к нам.

Голодранцев сначала подумал, что собравшиеся у его покосившихся ворот дачники от нечего делать, подвыпив, решили над ним посмеяться. Но присмотревшись повнимательней, иронии на их лицах не заметил. Наоборот, они были похожи на людей, стоящих в очереди за дефицитным товаром, в надежде скорее получить этот товар и использовать его в нужных целях.

В это время подкатил олигарх Казнокрадов и, увидев растерявшегося Сидора Евсеевича, привычным приказным тоном загудел:

– Эй, депутат, что стоишь варежку разинул. Давай приступай к реализации своего богатства. Видишь, какую я тебе рекламу сделал, так что лучший хрен – мне, – расталкивая народ, приблизился он к воротам. – Везёт же дуракам – такой хрен с неба в руки свалился.

После этих слов до Голодранцева наконец дошло, что всё происходящее не сон и не шутки, а действительность, которая теперь возвысит

его в глазах избирателей и, конечно, председателя законодательного собрания Юрия Иннокентьевича.

– Одну минуту, граждане, я не готов вот так сразу обеспечить вашу потребность. Попрошу вас подойти через пару часов. Не так просто нарыть кучу хрена.

Но граждане уходить не хотели.

– Иди рой, мы подождём! – приказал олигарх Казнокрадов голосом, не терпящим возражений.

Сидор Евсеевич схватил пустое ведро, махнул рукой Устинье Ермолаевне, мол, давай присоединяйся, ринулся в огород в надежде быстрее наполнить ведро хреном и приступить к удовлетворению потребностей страждущих. Первые три корнеплода, никого не подпуская близко, забрал олигарх, при этом кинул в ведро несколько купюр, не считая. Стоило Голодранцеву выкопать следующий хрен, как его тут же выхватывали из рук, не забывая при этом сбрасывать в ведро купюры. К обеду желающих наконец-то поубавилось, и вскоре последний из них, забрав очередную партию корнеплодов и кинув несколько купюр, ушёл домой. Хозяин огорода еле стоял на ногах. Ведро было наполнено измятыми купюрами.

Столько денег ни Сидор, ни Устинья в своих руках сроду не держали. Для четы Голодранцевых эти деньги были большие. Трясущимися руками, медленно прощупывая каждую купюру, с большим удовольствием они разложили хрустящие бумажки в стопки, туго перевязали их шнуровой резинкой. Красные, синие, пёстрые... И вдруг на дне выделились две зелёные бумажки с чужеземными буквами, цифрами 10 на каждой из них и изображением незнакомых мужиков в американских камзолах.

– Доллары, – догадался Сидор, – Казнокрадов заплатил, больше некому.

Собранные пачки денег, пометавшись по избе, хозяин, отодвинув кирпич из печки, засунул в дымоход. Печка всё равно не топилась, требовала ремонта. До самого вечера супруги не знали, куда себя деть, заговорщически глядя друг на друга, бесцельно бродили по избе. Сон долго не приходил, лишь под утро овладел их растревоженными душами. Но долго спать им не пришлось, уже в девять утра у ворот их халупы собралась толпа желающих приобрести дары природы в виде знаменитого уже депутатского хрена. Как выяснилось позже, название это родилось ещё вчера, спонтанно.

Затем двигаясь по селу толпу дачников, местный глава, надо же ему было как раз появиться, спросил:

– Это куда вас несёт, граждане, без ведома сельской администрации?

И граждане, чтобы их движение не было прервано, решили выдать веский аргумент:

– Идём к депутату законодательного собрания за хреном.

– А, – сказал глава, – тогда всё понятно. Больше вопросов не имею.

«За каким хреном их несёт к депутату?» – мелькнула позже в его голове мысль.

А у дома Голодранцевых всё, произошедшее вчера, повторилось вновь. Только в толпе желающих приобрести хрен были уже замечены и жители села Горёвка.

Вечером, упаковав и спрятав деньги, Сидор Евсеевич, ласково глядя в глаза Устинье Ермолаевне, сообщил:

– Ну всё, Устиньюшка, завтра в нашей работе делаем перерыв, едем в район. Зарегистрируем своё крестьянско-фермерское хозяйство, а то кончится хрен, а Юрий Иннокентьевич так и не узнает, что я наконец-то нашёл нужное любимое дело.

73

На второй день, написав всё на той же простыне: «Выходной», чета Голодранцевых двинулась в район. Ехали уже не на перекладных, а на автобусе. Как приятно было рассчитывать своими собственными деньгами и ловить на себе недоумённые взгляды: «Откуда у Голодранцевых деньги?». Видимо, ещё не до всех дошла новость об их неожиданно привалившем счастье.

Хозяйство зарегистрировали быстро, Юрий Иннокентьевич помог, Сидор ему за это подарил пучок хрена хорошего качества.

Так в селе Горёвке появилось крестьянско-фермерское хозяйство Голодранцевых «Хрен редьки не слаще».

9

Приехав домой, новый фермер решил систематизировать реализацию своей продукции. Прежде всего он пошёл в огород, чтобы определить количество реализованного и оставшегося хрена. Из пятнадцати соток приусадебного участка нетронутыми оставались примерно тринадцать.

«Жалко, что я не занял тридцати соток», – подумал Сидор, ранее он не замечал за собой склонности к алчности.

Но пройдя к дальнему забору, то есть к его развалинам, Голодранцев облегчённо-радостно вздохнул: за забором до самого леса находилась ещё одна деляна соток на десять, которая никому не принадлежала и тоже густо заросла хреном. Он сбегал за топором, вырубил несколько кольев в этом же лесу и быстро застолбил участок.

Придя домой, отправил Устинью Ермолаевну в магазин за продуктами и заодно наказал приобрести толстую тетрадь, шариковую ручку и кисточку. Поужинав, Сидор разлиновал тетрадь на столбики, в каждом из них указал номинальную стоимость купюры: пятьдесят, сто, пятьсот и тысяча рублей. Получилась, так сказать, расчётно-кассовая книга. Графу для учёта долларов он уважительно обвёл красным карандашом. Затем пошёл в кладовую, где валялся всякий хлам, вытащил из-под него старинный сундук, окованный полосами заржавевшего железа. Аккуратно вложил в него пачки денег и задвинул под панцирную сетку. Затем нашёл завалившуюся фанеру, опять густо развёл сажу и кисточкой крупно вывел на листе фанеры:

«Реализация фермерской продукции проводится с 9:00 до 17:00 без выходных.

Перерыв на обед с 12:00 до 13:00».

Ниже помельче написал: «Цены на приобретение хрена зависят от его размера:

25 см и выше – 200 руб. / 3 доллара за штуку.

20 см и выше – 150 руб. / 2 доллара за штуку.

15 см и выше – 100 руб. / 1,5 доллара за штуку.

Мелочь, то есть нестандарт – 66 руб. / 1 доллар за горсть».

Встал со стула, отряхнулся, взял большой гвоздь, молоток и прибил данный распорядок организованного хозяйства к столбу электролинии, который одновременно являлся частью опоры хозяйской ограды. Отошёл подальше, полюбовавшись, довольно улыбнулся и бросил в сторону магазинов своих соперников:

– Вот так-то, хмыри долбаные!

Все оставшиеся дни августа и сентябрь новые фермеры реализовывали продукцию своего хозяйства. В желающих приобрести хрен недостатка не было, ведь всем известно, что приготовление хреновской закуски как раз проходит в это время.

Среди депутатов районного звена у Сидора Евсеевича авторитет рос как на дрожжах. Немалую роль в этом играл председатель Юрий Иннокентьевич, который при каждом удобном

случае приводил в пример крестьянско-фермерское хозяйство Голодранцевых, за что всегда при встрече с Сидором получал лучший пушок хрена.

В конце сентября запасы любимого корнеплода неожиданно закончились. Но Сидор Евсеевич, к удивлению соседей и даже самого себя, на панцирную сетку читать очередной роман не пошёл. А начал готовиться к сбору урожая следующего года. Пересчитал полученные от реализации деньги, сумма получилась приличная. Руки его от жадности не дрожали, он как-то уже довольно быстро привык к их постоянному наличию. Доллары (а они тоже нередко попадались при расчёте) он с особым почтением сложил в отдельную пачку, обвязал целлофаном и спрятал в подполье. Прделав финансовые операции, Сидор Евсеевич приступил к хозяйственной деятельности.

Прежде всего он, закупив круглого леса и горбыля, начал возведение городьбы вокруг своего участка, заодно прихватив и тот, который находился за его огородом. И не зря Сидор начал свою деятельность с ограды, так как давно заметил, как Макар Безденежный, его сосед, частенько заходил в его огород и набирал бесплатно целую охапку хрена. Многие жители села поговаривали, что он даже торгует втихаря соседскими корнеплодами.

У Сидора Евсеевича хоть и дрянная ограда, да всё же была, а у Макара Безденежного не было и намёка на её существование. Поэтому все сельские свиньи постоянно лежали на поляне у его дома, а належавшись, начинали рыть землю в поисках корешка либо червячка. Можете себе представить, что там творилось. Поэтому тут уж не до хрена, лишь бы хату не подкопали.

Закончив с оградой, он нанял печника, отремонтировал печь, благо уголь у них с Устиньей Ермолаевной теперь был постоянно. Панцирную сетку менять не стали, так как необычайно крепко прикипели к ней всей душой. А вот простыни купили новые, целые две. И самое главное, Сидор Евсеевич выписал полное собрание сочинений Александра Дюма, в тридцати томах. Прделав всё это, он, наконец-то, улёгся на панцирную сетку с новой простынёй, крепко вцепился в первый том любимого писателя и начал дожидаться следующего «хреновского» сезона.

Зима прошла под чтение захватывающих романов довольно быстро. Деньги чета Голодранцевых расходовала экономно, и к лету их было

ещё достаточно, для того чтобы не впадать в зависимость от местных «спекулянтов».

Депутатские обязанности Сидора Евсеевича сильно не угнетали. Озлобленность к своим противникам он с помощью председателя Вольфова быстро унял. Научился пропускать мимо ушей поставленные на заседаниях вопросы и молча поднимать руку, выражая беспрекословное согласие с их содержанием.

Последователей его примеру не нашлось, несмотря на агитацию, исходящую от Юрия Иннокентьевича, крестьянско-фермерским хозяйством никто из депутатов заниматься не хотел.

Дочитав пятнадцатый том собрания сочинений А. Дюма, Сидор, выглянув в окно, заметил, как распустились листочки на деревьях находящегося за его огородом леса. Положил книгу на подоконник и двинулся в огород. Из земли показались уже мелкие ярко-зелёные всходы желанного корнеплода. Присмотревшись повнимательней, хозяин заметил, что всходы как будто стали чуть-чуть пореже прошлогодних. Испытывая тревогу за новый урожай, Сидор Евсеевич стал ежедневно по нескольку раз в день обследовать всходы. Они же росли не по дням, а по часам и к концу июля выровнялись и поднялись уже до колен фермера. Голодранцев успокоился и начал готовиться к моменту реализации ценной продукции.

Прежде всего он, не меняя режима рабочего дня, изменил расценки, увеличив их на двадцать процентов. Но в то же время добавил некоторые изменения и в подготовку хрена к реализации. Стал предлагать хрен мытый, хрен чищенный, хрен рубленый и хрен протёртый.

В двухметровом заборе прорезал подобие окна и соорудил небольшой прилавок.

Дальше всё, как говорится, было путём. И настолько, что Сидор Евсеевич, израсходовав часть денег, выправил покосившуюся хибару и, обшив её тёсом, покрыл крышу кровельным гонтом. После чего залёг на свою любимую панцирную сетку с томиком Дюма дожидаться следующего летнего доходного периода.

И он пришёл, полный тревог за будущий урожай. Заметив зазеленевшие листочки, Сидор, отложив тридцатый дочитанный том Александра Дюма, поспешно вышел в огород. Зелёные ростки ожидаемого корнеплода на несколько сантиметров вылезли из земли и торчали как заячьи ушки. Но эти ушки привели депутата-фермера в неопишуемый тревожный трепет. Они были го-

раздо реже прошлогодних. И сколько Голодранцев не ходил в огород, гуще они не стали.

Чтобы не допустить снижения доходов, Сидор Евсеевич решил у себя в доме проводить полный технологический процесс готовой продукции. Закупив подешевле стеклянную тару, они с Устиньей Ермолаевной сами стали производить продукт под названием «Хренодёр» и увеличили цены на пятьдесят процентов. Их постоянные клиенты брали готовый продукт несколько не хуже, чем полуфабрикаты.

И тут новые аграрии допустили непоправимую ошибку. В погоне за прибылью Сидор вырыл в огороде не только хрен, но и все мелкие отросточки.

Прибыль опять была приличная. И часть денег он пустил в дело с большой надеждой на будущее. Он построил рядом с домом (халупой назвать этот дом теперь язык не поворачивается) магазинчик. И купив книгу Льва Толстого «Война и мир», в четырёх томах, поудобней устроившись на панцирной сетке на новой простыне, углубился в чтение в ожидании следующего лета.

Но чтение романа «Война и мир» продвигалось не так быстро, как сочинений Александра Дюма. Во-первых, мешали переводы с французского, которыми то и дело щеголял великий писатель. Во-вторых, Голодранцева начали посещать назойливые видения, в которых он из аграрного фермера превращался вдруг в олигарха средней руки. А почему и нет? Большинство олигархов нажили свой капитал хищнической распродажей земельных ресурсов. И Сидор Евсеевич представил себе, что он богатеет тоже от реализации выданных ему природой ресурсов, хрен-то он не сажал, поле не удобрял, всё дала природа. Мысль стремительно несла его дальше: вот они с олигархом Казнокрадовым вместе отдыхают в Альпах в Швейцарии, расположились на зелёной лужайке, швейцарцы жарят им шашлык, нарезают различные виды сыров и заквашивают свежий йогурт. Они же с приятелем попивают виски, коньячок и между выпиваемыми рюмками похлопывают по толстым ляжкам грудастых девок. Дойдя до крайности, Сидор опасно озирался на Устинью Ермолаевну, вздыхал и хватался за книгу, но мысли на войну либо мир направить ему не удавалось.

И вот лето пришло. Отложив недочитанный четвёртый том «Войны и мира», Сидор Евсеевич вышел в огород. О, ужас! Лучше бы он этого не

75

делал либо малость повременил. Хотя чего тянуть кота за хвост. Доходное поле пустовало, даже сорняков нигде не было видно. Хозяин метался по огороду, рыл руками землю. Сходил за лопатой, пытался копнуть поглубже. Всё! Нет ничего, как говорится, кранты!

И тут нам с тобой, дорогой мой читатель, приходит на ум одна справедливая мысль: «Из земли-матушки нужно не только вытягивать, но и давать ей, родимой, не жалея, всё то, что требуется для её плодородия».

Это бы нужно помнить и правителям нашим, недра земные не бездонны. Гоним газ и нефть в разные стороны без меры. Как бы не пришлось однажды хвататься за лопату и ползать на коленях в поисках бесцельно израсходованных ресурсов. Да поздно будет. Нельзя жить одним днём.

Вернёмся к нашему фермеру-депутату. Что же теперь с ним творится? Два дня Сидор Евге-

евич неподвижно лежал на своей панцирной сетке, горевал. Иногда даже можно было заметить струящиеся по его щекам горькие слёзы. На третий день встал, взял остатки денег в рублях, доллары трогать не стал. Ничего не сказав Ульяне Ермолаевне, ушёл из дома в неизвестном направлении. К вечеру к новому магазинчику Голодранцевых подкатил грузовик. Из кабины вылез Сидор, забрался в кузов и начал разгружать гастрономические товары. На второй день вывеска на столбе была заменена. Теперь она гласила: «Гастрономические товары. Сидор и Устинья Голодранцевы».

Расписание работы менять не стали.

Вот, мой дорогой читатель, как ни крути, а проведение не обманешь. Уж, наверное, такая у села Горёвка судьба: все депутаты в законодательном собрании района от этого села так или иначе занимаются либо будут заниматься торговлей. Ну да Бог с ними!

